

10. Ivanov V.V., Toporov V.N. Indoeuropeiskaya mifologiya [The Indo-European mythology]. *Mify narodov mira [The myths of the world nations]*. Moscow, Sovetskaya entsyklopediya Publ., 1991, vol. 1, pp. 527-533. (In Russ.).
11. Ilyin I.A. *Postmodernizm. Slovar' terminov [Postmodernism. The terms dictionary]*. Moscow, INTRADA Publ., 2001. 384 p. (In Russ.).
12. Yettmar K. *Religii Gindukusha [The religions of Gindukush]*. Moscow, GRVL Publ., 1986. 524 p. (In Russ.).
13. Kavabata Ya. Otrazhennaya Luna [The reflection Moon]. *Sovremennaya yaponskaya novella [The modern Japanese novella]*. Moscow, Raduga Publ., 1985, pp. 25-34. (In Russ.).
14. Levi-Stross K. *Pervobytnoe myshlenie [The primitive thinking]*. Moscow, Respublika Publ., 1999. 392 p. (In Russ.).
15. *Natsional'naya bezopastnost' i geopolitika Rossii [The national safety and geopolitics of Russia]*, 2003, no. 1, p. 3. (In Russ.).
16. Naumenko G.M. *Etnografiya detstva [The ethnography of childhood]*. Moscow, Belovod'e Publ., 1998. 390 p. (In Russ.).
17. Postovalova V.I. Kartina mira v zhiznedeyatel'nosti cheloveka [The world picture in human vital activity]. *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke. Yazyki i kartina mira [The role of human factor in the language. Languages and the world picture]*. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 8-69. (In Russ.).
18. Tylor E.B. *Pervobytnaya kul'tura [The primitive culture]*. Moscow, Politizdat Publ., 1989. 573 p. (In Russ.).
19. Terner V. *Simvol i ritual [The symbol and the rite]*. Moscow, Nauka Publ., 1983. 277 p. (In Russ.).
20. Chizhikov M. Tayskiy spetsnaz plennykh ne берет [Siam guard don't take prisoners]. *Komsomol'skaya Pravda [The Komsomol truth]*, 2000, no. 14, p. 3. (In Russ.).
21. Shternberg L.Ya. Kul't bliznetsov v Kitae i indiiskie vliyaniya [The Twin cult in China and Indian influences]. *Sbornik muzeya antropologii i etnografii [The collector of Anthropology and Ethnography museum]*. Leningrad, 1927, vol. VI, pp. 1-16. (In Russ.).
22. Eliade M. *Kosmos i istoriya. Izbrannye raboty [The Space and the history. Chosen articles]*. Moscow, Progress Publ., 1987. 312 p. (In Russ.).
23. Yampolskiy M. Chto otrazhaet zerkalo [What the mirror reflect]. *Dekorativnoe iskusstvo SSSR [The decorative art of USSR]*, 1987, no. 5, pp. 30-36. (In Russ.).
24. Grottanelli C. Yoked horses, twins, and the powerful lady: India, Greece, Ireland and elsewhere. *Journal of Indo-Europeans Studies*, 1986, vol. 14, no. 1-2, pp. 125-152. (In Engl.).
25. Puhvel J. *Comparative mythology*. Baltimore, 1987. 356 p. (In Engl.).
26. Scott Littleton C. Some possible Indo-European themes in the Iliad. *Myth and Law among the Indo-Europeans*. Berkley; Los Angeles; London, University of California press, 1970, pp. 229-246. (In Engl.).
27. Ward D. The separate function of the Indo-European Divine Twins. *Myth and Law among the Indo-Europeans*. Berkley; Los Angeles; London, 1970, pp. 193-202. (In Engl.).
28. Wikander S. Nakula et Sahadeva. *Orientalia Suecana*, 1957, no. 6, pp. 66-96. (In Engl.).
29. York M. The Divine twins in Celtic Pantheon. *Journal of Indo-Europeans Studies*, 1995. (In Engl.).

УДК 008

«СКИФЫ» А. А. БЛОКА КАК ПОЛИТИКО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ МАНИФЕСТ

Попов Евгений Анатольевич, кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии и дизайна, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, РФ). E-mail: popow.ea@yandex.ru

Предлагаемая статья посвящена разбору одного из ключевых для понимания послеоктябрьского творчества А. А. Блока произведений – стихотворения (или маленькой поэмы) «Скифы» под определенным углом зрения. «Скифы» рассматриваются нами как политико-идеологический манифест, содержащий в себе несколько важных тезисов. Имея в виду многочисленные влияния, прослеживая корни и источники блоковской социально-культурологической мысли, выраженной в органической для Блока поэтической форме, можно усмотреть четыре таких тезиса. Первый и основной: Россия не Европа.

Мы, скорее, потомки Чингисхана, чем дети европейской цивилизации. Здесь Блок выступает как своеобразный предшественник русского евразийства. Второй тезис: Россия – молодая цивилизация, полная, как выразился бы Лев Гумилев, «пассионарной» силы. Следующий тезис: Россия исполнена «всемирной отзывчивости» (Достоевский), и ей доступны сокровища западного духа в том числе. В ее недрах гармонично сочетаются рационализм и мистицизм. Последний тезис, и самый парадоксальный, если исходить из духа всего стихотворения целиком: Запад спасется от деградации и краха только в одном случае – если придет в наши братские объятия. «Варварская», «скифская» Россия осветит народам путь, ведущий к всеобщему миру и братству. Несмотря на последующее разочарование в большевиках, на этом этапе можно проследить определенные пересечения между большевистской утопией и личными блоковскими утопическими грезами.

Ключевые слова: утопия, Россия и Европа, евразийство, революция, мессианская идея, русская идея, поэзия А. Блока.

A. A. BLOK'S "THE SCYTHIANS" AS A POLITICAL AND IDEOLOGICAL MANIFESTO

Popov Evgeniy Anatolyevich, PhD in Culturology, Associate Professor of Department of Culturology and Design, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: popow.ea@yandex.ru

The article is devoted to the analysis of A. A. Blok's "The Scythians." Blok as a poet of the "purging storm" believed in "music of the revolution." For him, the consciousness of "inseparability and non-interference of art, life and politics" had "one musical meaning" and "one musical pressure." In 1918, one of the most important metaphors for Blok was "Russia is the storm," Russia is the first violin in the world orchestra, and Russia is the Sphinx. The poem "The Scythians" is one of the most important works in the post-October creativity of Blok. "The Scythians" is considered as a political and ideological manifesto containing several important points. Having in mind the numerous influences, tracing the roots and sources of Blok's socio-cultural thought, expressed in an organic for the Blok poetic form, we can see such four basic points. The first point: Russia is not Europe. We are more descendants of Genghis Khan than children of European civilization. The second point: Russia is a young civilization, full, as Lev Gumilev would put it, of "passionary" power. The following point: Russia is full of "universal responsiveness" (Dostoevsky), and the treasures of the Western spirit are available to it as well. The last point, and the paradoxical, if to proceed from the spirit of the whole poem in full: the West will be saved from the degradation and collapse in only one case – if you come to our brotherly embrace. "Barbaric," "Scythian" Russia will illuminate the people leading the way to universal peace and brotherhood. Despite the subsequent disappointment in the Bolsheviks, at this stage it is possible to trace certain intersections between the Bolshevik utopia and personal Blok's utopian dreams.

Keywords: utopia, Russia and Europe, eurasianism, revolution, messianic idea, Russian idea, poetry by A. Blok.

Великий поэт, что тонкий сейсмограф: он чувствует грядущие подземные толчки, провидит уходящую из-под ног социальную почву, которая грозит обрушением всей социальной архитектуры.

Одни страшатся катаклизма – это неофиты культуры. Для них стихия страшна не тем, что она неминуемо разрушит привычные формы жизни. Стихия опасна потому, что она вместе со ста-

рыми, может быть, отжившими формами сметет дорогие сердцу неофита культуры, дорогие, как первая любовь, культурные ценности прошлого. Попросту он предчувствует, что толпа, захватив дворцы, начнет справлять нужду в драгоценные вазы.

Таким поэтом, не готовым объявлять «войну дворцам», был, например, Манделштам – в свой ранний период поэт по преимуществу «архитек-

турный», не зря же «преодолевший символизм», как сказал обо всех акмеистах сразу критик, впоследствии советский академик Виктор Жирмунский [7, с. 112–121]. Для символизма важнее была не архитектура, а музыка – самое оргиастическое из всех искусств. Не случайно, пожалуй, наиболее образованный из поэтов-символистов Вячеслав Иванов так много писал о Дионисе и дионисийстве, предпочитая, как сказали бы на специфическом языке Серебряного века, «экстазы Диониса гармонии Аполлона» [8]. А Дионис, как выразился бы Ницше, это сам «дух музыки», благодаря которому, как известно, родилась трагедия [11].

Для Александра Блока музыка, мистически воспринимаемая и понимаемая, тоже была чрезвычайно важна. А его знаменитая «музыка революции» – это очистительная буря, которая сметет весь сор со стогн и торжищ «страшного мира», который страшен, прежде всего, своей утомительной «немузыкальной» пошлостью, вездесущей, не имеющей ни начала, ни конца, и потому кажущейся вечной.

В предисловии к поэме «Возмездие» Блок признается, как зимой 1911 года из «ночных разговоров» «впервые выросло сознание нераздельности и неслиянности искусства, жизни и политики. <...> Именно мужественное веяние преобладало: трагическое сознание неслиянности и нераздельности всего – противоречий непримиримых и требовавших примирения» [2, с. 400]. Так, перед нами вырастает триада поэзии, актуальной политической реальности, связанной с закатом столыпинской эпохи и повседневности, состоящей из удушающей «пошлятины» «страшного мира», французской борьбы и полетов первых авиаторов. И все это, конечно, имело «один музыкальный смысл» и «единный музыкальный напор». И все это была Россия – «роковая, родная страна».

Уже после Октябрьского переворота в знаменитой статье «Интеллигенция и революция» (впервые опубликованной в левозероградской газете «Знамя труда» 19 января 1918 года) Блок напишет: «В том потоке мыслей и предчувствий, который захватил меня десять лет назад, было смешанное чувство России: тоска, ужас, покаяние, надежда» [1].

«Десять лет назад» Блок создал цикл «На поле Куликовом», где уже соседствуют все четыре эмоции:

*Наш путь – степной, наш путь – в тоске
безбрежной,*

В твоей тоске, о Русь!

*И даже мглы – ночной и зарубежной –
Я не боюсь.*

*.....
И нет конца! Мелькают версты, кручи...
Останови!*

*Идут, идут испуганные тучи,
Закат в крови!*

*.....
Но узнаю тебя, начало
Высоких и мятежных дней! [2, с. 375, 379].*

Уже здесь Блоком конструируется мистический образ «Руси-жены» с «платом узорным до бровей», как сказано в стихотворении с программным названием «Россия» из того же 1908 года:

*Тебя жалеть я не умею
И крест свой бережно несу...
Какому хочешь чародею
Отдай разбойную красу!*

*Пускай заманит и обманет, –
Не пропадешь, не сгинешь ты,
И лишь забота затуманит
Твои прекрасные черты... [2, с. 379].*

Спустя десять лет такие «чародеи» появились, и Блок встретил их порывно-романтически; только не в марксистском, а чуть ли не в ницшеанском «музыкальном» духе – «всем телом, всем сердцем, всем сознанием – слушайте Революцию» [1]. Блок в «Интеллигенции и революции» даже готов оправдать тяжелые и болезненные лично для него революционные эксцессы (в конце концов, и блоковская усадьба была сожжена местными крестьянами – впрочем, вряд ли из революционных побуждений, а скорее, из желания скрыть следы своего грабежа и мародерства). «Почему дырявят древний собор? – Потому что сто лет здесь ожиревший поп, икая, брал взятки и торговал водкой. Почему гадят в любезных сердцу барских усадьбах? – Потому что там насиловали и пороли девок: не у того барина, так у соседа. Почему валят столетние парки? – Потому что сто лет под их развесистыми липами и кленами гос-

пода показывали свою власть: тыкали в нос нищему мощной, а дураку – образованностью» [1].

В восемнадцатом году одна из важнейших метафор для Блока – «Россия – буря», она – первая скрипка в мировом оркестре, ибо «дух есть музыка» и необходимо «слушать ту великую музыку будущего, звуками которой наполнен воздух, и не выискивать отдельных визгливых и фальшивых нот в величавом реве и звоне мирового оркестра» [1].

Но, кроме того, что «Россия – буря», и в ней, очевидно, воплощен «дух музыки», она еще и Сфинкс. Сфинкс – это загадка и даже тайна, которую нужно разгадать, раскрыть. Надо понять мировую судьбу России, провидеть ее миссию и призвание.

Стихотворение «Скифы» – второй главный текст Блока восемнадцатого года после «Интеллигенции и революции». (Конечно, есть еще третий – поэма «Двенадцать», о которой мы в данной статье говорить не будем; «Двенадцать» заслуживает отдельного разговора).

Сам Блок впоследствии отзывался о «Скифах» довольно прохладно, считая их слишком похожими на политический манифест, что, собственно, справедливо. Это действительно политико-идеологический манифест, содержащий несколько тезисов.

Первый и основной из этих тезисов: Россия не Европа.

С самого зачина «Скифов» нарастает это противопоставление: мы и вы. Россия и Запад.

Блок по-своему пытается ответить на вопрос, который занимал русское общественное сознание со времен Хомякова и Кавелина, Киреевского и Грановского. Этот вопрос – «Кто мы?» – вопрос культурной идентичности, принадлежности России и русских. Есть ощущение, особенно поначалу, что Блок отвечает на него едва ли не в славянофильски-почвенническом духе, наподобие Николая Данилевского, который в своем основополагающем труде прямо вопрошал: «Почему Европа враждебна России?» [5]¹. Ответ прост – потому что Запад иррационально чувствует непохожесть, чуждость, а значит, враждебность России.

¹ Первое издание данного труда вышло в 1869 году. «Почему Европа враждебна России?» – название второй главы указанной работы.

Близкий Блоку в последние годы его жизни критик Р. В. Иванов-Разумник прослеживает поэтическую генеалогию блоковского стихотворения, ведя ее от пушкинского «Клеветникам России» и панславистских стихотворений Тютчева [9]. Тем более это закономерно, имея в виду очевидную реминисценцию в «Скифах» из Пушкина, из его заметки о «Ничтожестве литературы русской»: «России определено было высокое предназначение... Ее необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тылу поработленную Русь и возвратились на степи своего востока. Образующееся просвещение было спасено растерзанной и издыхающей Россией...» [13, с. 407–408]². Сравним у Блока:

*Для вас – века, для нас – единый час.
Мы, как послушные холопы,
Держали щит меж двух враждебных рас
Монголов и Европы! [3].*

У «Скифов» есть знаменитый эпиграф из стихотворения Владимира Соловьёва – знаменитого русского философа, учителя и кумира Блока вплоть до смерти последнего – «Панмонголизм – хоть имя дико / Но мне ласкает слух оно...»³. В этом стихотворении, написанном в 1894 году, рассказывается, как дикие племена сокрушат православную Русь – «третий Рим»:

*О Русь! Забудь былую славу:
Орел двуглавый сокрушен,
И желтым детям на забаву
Даны клочки твоих знамен.*

*Смирится в трепете и страхе,
Кто мог завет любви забыть...
И третий Рим лежит во прахе,
А уж четвертому не быть [14, с. 104].*

² Любопытно автопримечание Пушкина к этому пассажию: «А не Польшею, как еще недавно утверждали европейские журналы; но Европа в отношении к России всегда была столь же невежественна, как и неблагоприятна».

³ В тексте Соловьёва – не «имя дико», а «слово дико».

У Блока по контексту стихотворения поначалу прослеживается нечто иное, противоречащее эпиграфу: ведь это мы – «скифы», «азиаты... с раскосыми и жадными очами». Получается, что мы, скорее, потомки Чингисхана, чем дети европейской цивилизации. Запад останавливается перед нами, как Эдип перед Сфинксом, но в отличие от мифологического царя ему нашей тайны разгадать не дано. И в этом контексте блоковский «скифизм» выступает предвестием будущего русского евразийства, связанного с именами таких мыслителей, как Петр Савицкий и Николай Трубецкой.

Именно князь Николай Трубецкой впервые заявил в середине 1920-х годов (Блока к тому времени уже не было в живых), что Россия (причем, не только Российская империя, но и Советский Союз) является преемницей вовсе не Киевской Руси ранних Рюриковичей, а Монгольской империи Чингизидов [15]. Евразийцы (эмигрировавшие после революции) считали, что революция, большевики и Советский Союз в целом несут в себе «историческую правду», ибо (возможно, бессознательно) являют собой антитезу Западу, проект антизападного сопротивления в содружестве с другими азиатскими народами. Характерно в этой связи, что евразиец Петр Савицкий считал верным сохранение СССР в границах 1939 года (без Прибалтики и Западной Украины), но с включением в его состав Монголии.

Второй тезис: Россия – молодая цивилизация, в отличие от западной цивилизации – бесильной и дряхлой:

Да, так любить, как любит наша кровь,
Никто из вас давно не любит!
Забыли вы, что в мире есть любовь,
Которая и жжет, и губит! [3].

Вместо русских евразийцев здесь вспоминается немец Шпенглер, чей «Der Untergang des Abendlandes» («Упадок западных стран», в традиционном русском переводе «Закат Европы») появился тоже в 1918 году⁴. Ясное дело, что в период написания «Скифов» Блок не мог прочесть шпенглеровский текст (он еще не был издан), однако идеи об упадке, закате, близком истори-

ческом конце Запада в эту эпоху носились в воздухе и обретали большую популярность, в том числе и на самом Западе. Но Шпенглер написал во втором томе «Заката Европы» весьма примечательные слова и о России. Как для всякого европейца, перед Шпенглером не стоял проклятый русский вопрос последних трех столетий – о принадлежности или непринадлежности России к Европе. Как для всякого европейца, Россия для него, естественно, не Европа. В этом он сходится с Данилевским, евразийцами и Блоком. А все, что случилось с Россией в XVIII и XIX столетиях есть «исторический псевдоморфоз». Не случайно самый «европейский» русский город – Санкт-Петербург – есть также, говоря словами Достоевского, «самый отвлеченный и умышленный город на всем земном шаре» («Записки из подполья»).

Россия – воспользуемся еще одним позднейшим модным термином, введенным в оборот поздним евразийцем Львом Гумилёвым, – «пассионарна» [4].

Важно и другое – и в этом заключается *третьей тезис: Россия исполнена «всемирной отзывчивости»* (Достоевский), и ей доступны сокровища западного духа в том числе. В ее недрах гармонично сочетаются рационализм и мистицизм:

Мы любим все – и жар холодных числ,
И дар божественных видений,
Нам внятно все – и острый галльский смысл,
И сумрачный германский гений... [3].

Здесь интересно заметить, как призывавший «слушать музыку революции» Блок, то есть ниспровергатель и разрушитель основ, раз за разом оказывается на одной стороне идеологических баррикад с классиками русской консервативной мысли XIX века – **Фёдором Достоевским**, **Николаем Данилевским** или, скажем, **Константином Леонтьевым**, который в своей основополагающей работе «Византизм и славянство» [10] упрекал Запад в «смесительном упрощении» и «псевдогуманной пошлости», пришедшим на смену «цветущей сложности» прежних времен. Разумеется, Леонтьев идеализировал современный ему царизм. Именно самодержавие, православие, коллективизм (патриархальная крестьянская об-

⁴ Первый том. Второй том «Заката Европы» вышел в 1922 году.

щина) и консерватизм были его идеалами. Блок, бесспорно, отворачивается от этих ценностей, но леонтьевская критика западного буржуазного уклада жизни не могла не быть близка поэту.

Подобно Достоевскому, для Блока Запад, Европа – лишь дорогое кладбище, он, кажется, готов повторить вслед за Иваном Карамазовым нечто подобное: «Я хочу в Европу съездить, Алеша, отсюда и поеду; и ведь я знаю, что поеду лишь на кладбище, но на самое, на самое дорогое кладбище, вот что! Дорогие там лежат покойники, каждый камень там гласит о такой горячей минувшей жизни, о такой страстной вере в свой подвиг, в свою борьбу, в свою истину и в свою науку, что, я знаю заранее, паду на землю и буду целовать эти камни и плакать над ними, – в то же время убежденный всем сердцем моим, что все это давно уже кладбище, и никак не более» [6, с. 356].

Последний тезис, и самый парадоксальный, если исходить из духа всего стихотворения целиком: Запад спасется от деградации и краха только в одном случае – если придет в наши братские объятия. Не России нужно учиться у Запада, а, наоборот, Россия подарит на «братском пире» Западу путеводную нить. «Варварская», «скифская» Россия осветит народам путь, ведущий к всеобщему миру и братству. Если же нет, то, как говорится, не обессудьте:

*Не сдвинемся, когда свирепый гунн
В карманах трунов будет шарить,
Жечь города, и в церковь гнать табун,
И мясо белых братьев жарить!..*

*В последний раз – опомнись, старый мир!
На братский пир труда и мира,
В последний раз на светлый братский пир
Сзывает варварская лира! [3].*

Так в «Скифах» появляется тема мессианизма, впрочем, не новая для отечественной интеллектуальной традиции.

Ее корни – в знаменитых посланиях псковского монаха Филофея великому князю московскому Василию III, сформировавших идеологему, известную как «Москва – третий Рим». Суть ее в следующих словах Филофея: «Вся христианская царства <...> снидошася во едино царство наше-

го государя <...>. Два убо Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти» [12, с. 452–453].

Хотя послания Филофея были посвящены преимущественно церковным, а не политическим вопросам, и потому оказались забытыми в период наибольшего имперского расширения в XVIII веке, они вновь стали актуализироваться усилиями православных и, главным образом, консервативно ориентированных публицистов и философов во второй половине XIX столетия. Среди таких мыслителей был и любимый Блоком Владимир Соловьёв.

Соловьёв уходил от одностороннего и поверхностного толкования русского национально-мессианизма как идеологического обоснования военно-политической экспансии – стремления к обладанию Проливами, Константинополем и т. д., этого идефикса русской внешней политики, погубившего, в конце концов, империю Романовых. «Русская идея» Соловьёва сводилась к утверждению особой богоизбранности русского народа, которая заключалась в его склонности к «всеединству», каковая, в свою очередь, определялась его совершенно уникальным положением между народами Земли – то есть промежуточным положением между Западом и Востоком. Отвергая крайности как западничества, так и славянофильства, Соловьёв рассчитывал на то, что именно Россия и русский народ станут главными двигателями дела объединения всех народов на базе единой Вселенской христианской церкви. Это был утопизм, «умонастроение утопии» (С. Аверинцев), в высшей степени характерное для духовной и интеллектуальной атмосферы России времен так называемого Серебряного века, предтечей которого был Владимир Соловьёв, ярчайшим представителем – Александр Блок.

Духу утопии в начале века оказались подвержены и декаденты-символисты со своей сугубо эстетической утопией теургии, и скандалисты-футуристы, проповедники нового искусства и строители мостов в будущее, и даже представители различных политических течений, в первую очередь, левого толка.

Октябрьский переворот потому поначалу и вдохновил Блока, что он увидел в большевиках-ленинцах, взявших власть в стране, своих духовных братьев по утопии. Пафос разрушения, кото-

рый предшествовал пафосу созидания («Весь мир насилья мы разрушим / До основанья, а затем...»), чрезвычайно был созвучен Блоку – певцу стихии, все сметающей на своем пути. Особенно сильно это будет заметно в «Двенадцати», но и в «Скифах» слышны отзвуки приветствуемой автором мировой бури. В «Скифах» поэт не отдался полностью этой волне, поэтому стихи превратились в «манifest», что не очень устраивало Блока.

*Придите к нам! От ужасов войны
Придите в мирные объятия!
Пока не поздно – старый меч в ножны,
Товарищи! Мы станем – братья! [3].*

Большевики затеяли переворот, придерживаясь наполеоновского принципа: «Главное вязаться в драку, а там посмотрим». Ввязаться в драку и продержаться до мировой революции, на которую, собственно, и делался весь расчет. Мировая революция возникнет как следствие усталости от бессмысленной мировой бойни, и вот тогда ленинский лозунг о превращении войны империалистической в войну гражданскую воплотится в жизнь во всемирном масштабе. Пролетарии всех стран соединятся и ниспровергнут царство капитала, заключив друг друга в «мирные объятия» и придя «на братский пир труда и мира», чтобы «в мире без России, без Латвий / Жить единым человеческим общежитием», как сказал еще один поэт эпохи, В. Маяковский.

Как видим, можно отыскать кое-какие пересечения между большевистской утопией и личными блоковскими поэтическими грезами. А место России в братском союзе народов, тем не менее, будет, как и у Владимира Соловьёва, уникальным, благодаря хотя бы ее роли «застрельщика».

По иронии судьбы разочарование Блока в большевизме стало фактом именно тогда, когда в самом большевистском штабе царил едва ли

не эйфория, связанная с крушением кайзера и революционными событиями в Германии, когда казалось, что мировая революция материализуется, становится фактом. Но одновременно это был период оформления и упрочения новой власти со всеми ее атрибутами – армией, полицейско-охранительными структурами (ВЧК) и, конечно, бюрократическим аппаратом, для обслуживания которого требовалось все больше новых, советских чиновников. Стихия, воспетая Блоком в «Скифах» и «Двенадцати», должна была быть взята системой в оборот, заключена в рамки, несмотря на только разгорающуюся Гражданскую войну. Оказалось, что старый «страшный мир», мир мертвящей пошлости, возвращается, причем на фоне голода, разрухи, крови и террора. Когда это произошло, когда «стихия» улеглась, и «музыка» замолкла, Блок ощутил то самое «отсутствие воздуха», о котором поэт говорил незадолго до смерти в речи, посвященной Пушкину. О смерти Блока многие современники отзывались похожим образом – «его сразила не саркома сердца, а невозможность дышать и петь».

После «Скифов» и «Двенадцати» Блок прожил еще три с половиной года, но больше стихов не писал, если не считать его поэтического завещания – стихотворения «Пушкинскому Дому» (1921). В нем слышна негромкая музыка прощания, чуждая бурь и стихий, отгремевших в душе поэта и погубивших его:

*Вот зачем такой знакомый
И родной для сердца звук –
Имя Пушкинского Дома
В Академии Наук.*

*Вот зачем, в часы заката
Уходя в ночную тьму,
С белой площади Сената
Тихо кланяюсь ему.*

Литература

1. Блок А. А. Интеллигенция и революция [Электронный ресурс]. – URL: http://dugward.ru/library/blok/blok_int_i_rev.html (дата обращения: 09.05.2019).
2. Блок А. А. Покой нам только снится...: [сб.]. – М.: АСТ, 2017. – 480 с.
3. Блок А. А. Скифы [Электронный ресурс]. – URL: http://az.lib.ru/b/blok_a_a/text_0030.shtml (дата обращения: 02.05.2019).
4. Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. – М.: Эксмо, 2007. – 736 с.

5. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. – М.: Ин-т рус. цивилизации, 2008. – 816 с.
6. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. – М.: АСТ; Минск: Харвест, 2007. – 784 с.
7. Жирмунский В. М. Преодолевшие символизм // Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. – Л.: Наука, 1977. – С. 112–121.
8. Иванов В. И. Дионис и прадионисийство. – СПб.: Алетейя, 1994. – 350 с.
9. Иванов-Разумник Р. В. Испытание в грозе и буре // Александр Блок: Pro et contra. Личность и творчество Александра Блока в критике и мемуарах современников. – СПб.: Изд-во РХГИ, 2004. – С. 259–288.
10. Леонтьев К. Н. Византизм и славянство. – М.: Академ. проект, 2017. – 503 с.
11. Ницше Ф. Рождение трагедии, или эллинство и пессимизм // Ницше Ф. Так говорил Заратустра. – М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2005. – С. 23–123.
12. Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. – М.: Худож. лит., 1984. – 707 с.
13. Пушкин А. С. О ничтожестве литературы русской // Пушкин А. С. Собр. соч. В 10 т. Т. 6. Критика и публицистика. – М.: ГИХЛ, 1962. – С. 407–408.
14. Соловьев В. С. Стихотворения и шуточные пьесы. – Л.: Совет. писатель, 1974. – 352 с.
15. Трубецкой Н. С. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rulit.me/books/vzglyad-na-russkuyu-istoriyu-ne-s-zapada-a-s-vostoka-read-9676-1.html> (дата обращения: 23.05.2019).

References

1. Blok A.A. *Intelligentsiya i revoliutsiya [Intelligentsia and revolution]*. (In Russ.). Available at: http://dugward.ru/library/blok/blok_int_i_rev.html (accessed 09.05.2019).
2. Blok A.A. *Pokoy nam tol'ko snitsya... [We only dream of peace...]*. Moscow, AST Publ., 2017. 480 p. (In Russ.).
3. Blok A.A. *Skify [Scythians]*. (In Russ.). Available at: http://az.lib.ru/b/blok_a_a/text_0030.shtml (accessed 02.05.2019).
4. Gumilev L.N. *Etnogenez i biosfera Zemli [Ethnogenesis and the Earth's biosphere]*. Moscow, Eksmo Publ., 2007. 736 p. (In Russ.).
5. Danilevskiy N.Y. *Rossiya i Evropa [Russia and Europe]*. Moscow, Institut russkoy tsivilizatsii Publ., 2008. 816 p. (In Russ.).
6. Dostoevskiy F.M. *Brat'ya Karamazovy [Brothers Karamazov's]*. Moscow, AST Publ., Minsk, Harvest Publ., 2007. 784 p. (In Russ.).
7. Zhirmunskiy V.M. *Teoriya literatury. Poetika. Stilistika. Preodolevshie simvolizm [Theory of literature. Poetics. Stylistics. Overcoming symbolism]*. Leningrad, Nauka Publ., 1977, pp. 112-121. (In Russ.).
8. Ivanov V.I. *Dionis i pradionisiystvo [Dionysus and pra-dionysism]*. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 1994. 350 p. (In Russ.).
9. Ivanov-Razumnik R.V. *Ispytanie v groze i bure [The trial in thunderstorm and tempest]. Aleksandr Blok: pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo Aleksandra Bloka v kritike i memuarakh sovremennikov [Aleksandr Blok: pro et contra. The figure and creation of Aleksandr Blok in critics and memoirs of contemporaries]*. St. Petersburg, RHGI Publ., 2004, pp. 259-288. (In Russ.).
10. Leontyev K.N. *Vizantizm i slavyanstvo [Byzantinism and Slavs]*. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2017. 503 p. (In Russ.).
11. Nitsse F. *Tak govoril Zaratustra. Rozhdenie tragedii, ili ellinstvo i pessimism [Thus spoke Zarathustra. Birth of tragedy or Hellenism and pessimism]*. Moscow, Eksmo Publ., St. Petersburg, Midgard Publ., 2005, pp. 23-123. (In Russ.).
12. *Pamyatniki literatury drevney Rusi. Konets XV – pervaya polovina XVI veka [The literary monuments of Ancient Russia. The end of the XV the first half of XVI century]*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1984. 707 p. (In Russ.).
13. Pushkin A.S. *O nichtozhestve literatury russkoy [About the insignificance of the Russian literature]. Sobranie sochineniy. V 10 t. T. 6. Kritika i publitsistika [Collected works. In ten volumes. Vol. 6. Critics and publicism]*. Moscow, GIHL Publ., 1962, pp. 407-408. (In Russ.).
14. Solovyev V.S. *Stikhotvoreniya i shutochnye p'esy [Poems and comic plays]*. Leningrad, Sovetskiy pisatel Publ., 1974. 352 p. (In Russ.).
15. Trubetskoy N.S. *Vzglyad na russkuyu istoriyu ne s Zapada, a s Vostoka [A look at Russian history not from the West, but from the East]*. (In Russ.). Available at: <http://www.rulit.me/books/vzglyad-na-russkuyu-istoriyu-ne-s-zapada-a-s-vostoka-read-9676-1.html> (accessed 23.05.2019).